

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К29

Дизайн серии А.С. Воробьева

Фото на обложке предоставлено РИА Новости

Книга подготовлена при участии Людмилы Мильковой

Вступительное слово Николая Земцова

Катаев, Валентин Петрович

К29 Сын полка : повесть / Валентин Катаев. –
М. : Издательство АСТ, 2019. – 320 с. – (Бессмертный
полк. 75 лет Победы).

ISBN 978-5-17-119496-3

Известная повесть Валентина Катаева давно стала любимым читателем. В годы Великой Отечественной писатель работал военным корреспондентом и оставил о ней много статей, очерков, рассказов. Прошедший войну, узнавший о разных солдатских судьбах, многое увидевший и прочувствовавший, он достоверно представил в своих произведениях то страшное время. Тема «дети на войне» – особая в русской литературе. История Вани Солнцева, главного героя повести «Сын полка», была хорошо знакома многим мальчишкам военной поры. В образе Вани они узнавали себя.

И это подтверждают опубликованные в книге рассказы людей, которые в те далекие дни были детьми и которым наравне со взрослыми пришлось идти на фронт, трудиться в тылу, стать узниками концлагерей, столкнуться с оккупацией, потерять близких родственников, но выжить и не пасть духом.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-119496-3

© Катаев В.П. (наследники), 2017
© РИА Новости
© ООД «Бессмертный полк России», 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Обращение к читателю

Вы держите в руках вторую книгу из серии «Бессмертный полк. Классика». Повесть военного корреспондента Валентина Катаева «Сын полка» – история 12-летнего мальчика Вани Солнцева, детство которого оборвала война. На его долю выпали недетские испытания – гибель всей семьи, жандармский изолятор, болезни и голод, одинокие скитания по лесам... И всё же это очень «солнечная» и добрая история – о том, как среди войны люди любили, дружили, спасали друг друга. О том, что нет чужого горя и чужих детей. О том, что человек способен остаться человеком в любых ситуациях. И это главное.

Ваня Солнцев, пройдя суровые испытания, сохранил доверие к миру, к людям и сумел найти свое место и предназначение там, где ребенку, казалось бы, нет места вообще. Он обрел новую жизнь, став сыном полка.

Поколение военных писателей подарило нам много пронзительных историй, погрузившись в которые взрослеешь и поднимаешься над собой. Сила воздействия этих историй не зависит от времени, в которое тебе выпало жить, – будь то эпоха черно-белого телевидения или 5D-кинотеатров.

Каково это – быть писателем, чувствовать глубоко и остро и оказаться по ту сторону мирной жизни, за гранью добра и зла? Не придуманного «киношного» зла, а реальных нечеловеческих переделок, которые не поставить на паузу и не отменить кнопкой «esc»... Поступки героев книг писателей-фронтовиков – это ответ Человека на вызовы бесчеловечного явления, имя которому «война». Невозможно понять, где в этих книгах художественный вымысел, а где жестокая реальность войны. И этот сплав создает то самое важное, ради чего всегда жила великая русская литература – ради человеческого в человеке.

И все же, чтобы «поверить гармонию алгеброй», а вымысел – документалистикой, мы совмещаем в одной книге два жанра. Вместе с литературными героями Валентина Катаева своими историями с вами делаются совершенно реальные дети войны – те, кого судьба безжалостно вырвала из беззаботного детства. Их воспоминания ста-

ли сначала семейным достоянием, а теперь и достоянием всего нашего общества – это фрагменты единой картины, записанной в генетическом коде нашего народа, которую мы не смеем забывать, ибо забытое повторяется.

Между современными поколениями дедов – отцов – детей пролегли не годы, а целые исторические эпохи, разорвавшие связь поколений. Но вот народное движение «Бессмертный полк» вывело на улицы городов России и мира миллионы наших соотечественников, и с ними будто вновь встали в строй дорогие и любимые солдаты, матросы, труженики тыла, дети войны – чьи-то дедушки и бабушки, отцы и матери, сыновья и дочери. И оказалось, нам нужна память о каждом из них – тех, на чью долю выпали испытания самой кровопролитной, масштабной и жестокой войны за всю историю человечества.

Сегодня мы с вами осознали себя наследниками Победы, а значит, продолжателями традиций фронтовой семьи, которой стали наши родные люди в суровые годы испытаний. И сегодня для нас не должно быть чужих детей. Сироты, дети детских домов – это наши «сыны полка»! Движение «Бессмертный полк России» обращается ко всем, чье сердце не зачерствело, с призывом поддержать благотворительный проект «Сын полка», созданный в помощь детям, попавшим в сложную жизненную ситуацию. Информацию о проекте вы найдете на официальном сайте Движения polkrf.ru в разделе «Спецпроекты».

Многие из историй, которые вы размещаете на polkrf.ru, уже вошли в первые книги «Библиотеки Бессмертного полка», перейдя со страниц семейных альбомов в сокровищницу памяти всего общества. Какими будут следующие книги, во многом зависит от вас – они пишутся вашими руками и сердцем.

С благодарностью ко всем, кто постарался увековечить воспоминания родных и близких людей, отстоявших мир, победивших чуму XX века – фашизм и нацизм.

*Сопредседатель Общероссийского
общественного движения
«Бессмертный полк России»
Николай Земцов*

Валентин Катаев

Сын полка

*Посвящается
Жене и Павлику Катаевым*

Это многих славных путь.

Некрасов

1

Была самая середина глухой осенней ночи. В лесу было очень сыро и холодно. Из черных лесных болот, заваленных мелкими коричневыми листьями, поднимался густой туман.

Луна стояла над головой. Она светила очень сильно, однако ее свет с трудом пробивал туман. Лунный свет стоял подле деревьев косыми, длинными тесинами, в которых, волшебным образом, изменяясь, плыли космы болотных испарений.

Лес был смешанный. То в полосе лунного света показывался непроницаемо черный силуэт громадной ели, похожий на многоэтажный терем; то вдруг в отдалении появлялась белая колоннада берез; то на прогалине, на фоне белого, лунного неба, распавшегося на куски, как простокваша, тонко рисовались голые ветки осин, уныло окруженные радужным сиянием.

И всюду, где только лес был пореже, лежали на земле белые холсты лунного света.

В общем, это было красиво той древней, дивной красотой, которая всегда так много говорит русскому сердцу и заставляет воображение рисовать сказочные картины: серого волка, несущего Ивана-царевича в маленькой шапочке набекрень и с пером Жар-птицы в платке за пазухой, огромные мшистые лапы лешего, избушку на курьих ножках – да мало ли еще что!

Но меньше всего в этот глухой, мертвый час думали о красоте полесской чащи три солдата, возвращавшиеся с разведки.

Больше суток провели они в тылу у немцев, выполняя боевое задание. А задание это заключалось в том, чтобы найти и отметить на карте расположение неприятельских сооружений.

Работа была трудная, очень опасная. Почти все время пробирались ползком. Один раз часа три подряд пришлось неподвижно пролежать в болоте – в холодной, вонючей грязи, накрывшись плащ-палатками, сверху засыпанными желтыми листьями.

Обедали сухарями и холодным чаем из фляжек.

Но самое тяжелое было то, что ни разу не удалось покурить. А как известно, солдату легче обойтись без еды и без сна, чем без затяжки добрым, крепким табачком. И как на грех, все три солдата были заядлые курильщики. Так что,

хотя боевое задание было выполнено как нельзя лучше и в сумке у старшего лежала карта, на которой с большой точностью было отмечено более десятка основательно разведанных немецких батарей, разведчики чувствовали себя раздраженными, злыми.

Чем ближе было до своего переднего края, тем сильнее хотелось курить. В подобных случаях, как известно, хорошо помогает крепкое словечко или веселая шутка. Но обстановка требовала полной тишины. Нельзя было не только переброситься словечком – даже высморкаться или кашлянуть: каждый звук раздавался в лесу необыкновенно громко.

Луна тоже сильно мешала. Идти приходилось очень медленно, гуськом, метрах в тринадцати друг от друга, стараясь не попадать в полосы лунного света, и через каждые пять шагов останавливаться и прислушиваться.

Впереди пробирался старшой, подавая команду осторожным движением руки: поднимет руку над головой – все тотчас останавливались и замирали; вытянет руку в сторону с наклоном к земле – все в ту же секунду быстро и бесшумно ложилось; махнет рукой вперед – все двигались вперед; покажет назад – все медленно пятились назад.

Хотя до переднего края уже оставалось не больше двух километров, разведчики продолжали идти все так же осторожно, осмотрительно,

как и раньше. Пожалуй, теперь они шли еще осторожнее, останавливались чаще.

Они вступили в самую опасную часть своего пути.

Вчера вечером, когда они вышли в разведку, здесь еще были глубокие немецкие тылы. Но обстановка изменилась. Днем, после боя, немцы отступили. И теперь здесь, в этом лесу, по-видимому, было пусто. Но это могло только так казаться. Возможно, что немцы оставили здесь своих автоматчиков. Каждую минуту можно было наскочить на засаду. Конечно, разведчики – хотя их было только трое – не боялись засады. Они были осторожны, опытные и в любой миг готовы принять бой. У каждого был автомат, много патронов и по четыре ручных гранаты. Но в том-то и дело, что бой принимать нельзя было никак. Задача заключалась в том, чтобы как можно тише и незаметнее перейти на свою сторону и поскорее доставить командиру взвода управления драгоценную карту с засеченными немецкими батареями. От этого в значительной степени зависел успех завтрашнего боя.

Все вокруг было необыкновенно тихо. Это был редкий час затишья. Если не считать нескольких далеких пушечных выстрелов да коротенькой пулеметной очереди где-то в стороне, то можно было подумать, что в мире нет никакой войны.

Однако бывалый солдат сразу заметил бы тысячи признаков того, что именно здесь, в этом тихом, глухом месте, и притаилась война.

Красный телефонный шнур, незаметно скользнувший под ногой, говорил, что где-то недалеко – неприятельский командный пункт или застава. Несколько сломанных осин и помятый кустарник не оставляли сомнения в том, что недавно здесь прошел танк или самоходное орудие, а слабый, не успевший выветриться, особый, чужой запах искусственного бензина и горячего масла показывал, что этот танк или самоходное орудие были немецкими.

В некоторых местах, тщательно обложенных еловыми ветками, стояли, как поленницы дров, штабеля мин или артиллерийских снарядов. Но так как не было известно, брошены ли они или специально приготовлены к завтрашнему бою, то мимо этих штабелей нужно было пробираться с особенной осторожностью.

Изредка дорогу преграждал сломанный снарядом ствол столетней сосны. Иногда разведчики натыкались на глубокий, извилистый ход сообщения или на основательный командирский блиндаж, накатов в шесть, с дверью, обращенной на запад. И эта дверь, обращенная на запад, красноречиво говорила, что блиндаж немецкий, а не наш. Но пустой ли он или в нем кто-нибудь есть, было неизвестно.

Часто нога наступала на брошенный противогаз, на раздавленную взрывом немецкую каску.

В одном месте на полянке, озаренной дымным лунным светом, разведчики увидели среди раскиданных во все стороны деревьев громадную воронку от авиабомбы. В этой воронке валялось несколько немецких трупов с желтыми лицами и синими провалами глаз.

Один раз взлетела осветительная ракета; она долго висела над верхушками деревьев, и ее плывущий голубой свет, смешанный с дымным светом луны, насквозь озарил лес. От каждого дерева протянулась длинная резкая тень, и было похоже, что лес вокруг стал на ходули. И пока ракета не погасла, три солдата неподвижно стояли среди кустов, сами похожие на полуоблетевшие кусты в своих пятнистых, желто-зеленых плащ-палатках, из-под которых торчали автоматы. Так разведчики медленно подвигались к своему расположению.

Вдруг старшой остановился и поднял руку. В тот же миг другие тоже остановились, не спуская глаз со своего командира. Старшой долго стоял, откинув с головы капюшон и чуть повернув ухо в ту сторону, откуда ему почудился подозрительный шорох. Старшой был молодой человек лет двадцати двух. Несмотря на свою молодость, он уже считался на батарее бывалым солдатом. Он был сержантом. Товарищи его любили и вместе с тем побаивались.

Звук, который привлек внимание сержанта Егорова – такова была фамилия старшого, – ка-

зался очень странным. Несмотря на всю свою опытность, Егоров никак не мог понять его характер и значение.

«Что бы это могло быть?» – думал Егоров, напрягая слух и быстро перебирая в уме все подозрительные звуки, которые ему когда-либо приходилось слышать в ночной разведке.

«Шепот! Нет. Осторожный шорох лопаты? Нет. Повизгивание напильника? Нет».

Странный, тихий, ни на что не похожий прерывистый звук слышался где-то совсем недалеко, направо, за кустом можжевельника. Было похоже, что звук выходит откуда-то из-под земли.

Послушав еще минуту-другую, Егоров, не оборачиваясь, подал знак, и оба разведчика медленно и бесшумно, как тени, приблизились к нему вплотную. Он показал рукой направление, откуда доносился звук, и знаком велел слушать. Разведчики стали слушать.

– Слышать? – одними губами спросил Егоров.

– Слышать, – так же беззвучно ответил один из солдат.

Егоров повернул к товарищам худощавое темное лицо, уныло освещенное луной. Он высоко поднял мальчишеские брови.

– Что?

– Не понять.

Некоторое время они втроем стояли и слушали, положив пальцы на спусковые крючки ав-